

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Е.В. Бондарева*

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАДРУГАТЕЛЬСТВО НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Наше отношение к захоронениям – к городским кладбищам, к сельским погостам – есть отражение нашего сознания, освещенного духовной культурой или усеченного, воинственно-варварского, а в конечном итоге нашего отношения к жизни и смерти, того или иного понимания конечности бытия и бессмертия. Каждое надругательство над телами умерших и местами их захоронения нарушает и разрушает моральные устои общества, которые и без того находятся в плачевном состоянии.

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения названо действующим уголовным законом в числе преступлений. Одной из причин этого является общественная опасность данного деяния. Она заключается в попрании веками сложившегося в обществе уважительного отношения к памяти умерших, охране их чести, в причинении моральных страданий родным и близким умершего. «Среди всех народов земного шара – диких, варварских и образованных, до современных парижан включительно, – нет ни одного, у которого не сохранялось бы почитание умерших в той или другой форме»[1].

Гробокопательство является одним из самых древнейших преступлений. Несколько тысячелетий тому назад преступники разворовывали ценности из пирамид египетских фараонов, курганов – мест захоронения скифских вождей и т.д.

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения известны в форме вандализма, когда в 455 году древнегерманские племена вандалов разграбили Рим и уничтожили многие памятники античной и христианской культуры.

В истории можно найти много примеров, когда богатые захоронения подвергались опустошению. Кроме того, надругательства над телами умерших и местами их захоронения осуществлялись из-за религиозного или расового фанатизма, политических соображений, по мотивам мести или иным низменным побуждениям. Вспомним надругательство над трупом Лжедмитрия – тело выставили на Лобном месте, в рот вставили дудку, а на вспоротый живот бросили маскарадную маску, или расправу в древней Англии с контрабандистами – их тела «консервировали» при помощи заливания смолой и не снимали с виселиц до их полного разрушения.

Но, несмотря на то, что власть сама нередко прибегала к надругательству над телами умерших в целях наказания, данное деяние считалось преступлением еще в самых древних источниках.

В России первым правовым актом, где надругательство над телами умерших и местами их захоронения получило официальное закрепление, стала Русская Правда. В ней, в уставе Владимира, содержались преступления против веры. Само закрепление данного состава преступления в уставе происходило, можно сказать, завуалировано. Надругательство над телами умерших и местами их захоронения в то время рассматривалось как «мертвеци сволочать»[2]. Данное понятие включало в себя ограбление трупов, посещение крестов (на могилах и на дорогах), отрезание частиц от священных предметов (для волхования – мнимого знакомства с миром невидимых). Более конкретно эти преступления назывались действиями, воспрещенными, противными вере и церкви и наказывались смертной казнью [3].

Очевидно, что приглашенные на Русь византийские церковные иерархи оказали огромное влияние и принесли новую правовую систему. А по византийским законам (Эклога, Прохирон) разграбление могил каралось отсечением руки.

Источник XIII века Устав великого князя Всеволода о церковных судах, и о людях, и о мерилах торговых в части церковных преступлений повторяет Устав князя Владимира и в ст. 9 называет «мертвеци съвлячают»[4].

Позднее, в Воинском артикуле Петра I 1715 года, который, будучи военно-уголовным кодексом, предусматривал и общеуголовные преступления, тоже было закреплено положение об уголовной ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения. В Артикуле приводилось буквально следующее: «Кто из церкви или иные места покрадет, или у оных что насильно отьмет, також... имеет быть лишен живота и тело его на колесо посажено»[5].

* © Е.В. Бондарева, Красноярский государственный университет, 2006.

В XIX веке, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года данному составу посвящена глава "О святотатстве, разрытии могил и ограблении мертвых тел". В ст. 256 говорится об ответственности «за разрытие могил для ограбления тел или поругания над погребенными»[6]. В этой же статье закреплены квалифицированные составы названного действия – разрытие могилы для «каких-либо суеверных действий» и по шалости или пьянству. Суеверие в вышеназванном случае могло заключаться, например, в том, что рука мертвеца спасает от пули. Наказания, соответственно, для вышеперечисленных деяний тоже различные – от заключения в смиренный дом на 6 месяцев до ссылки в Сибирь или на каторжную работу.

Ст. 257 Уложения 1845 года закрепляет в качестве преступления «истребление или повреждение надгробных памятников и за наружное повреждение могил, когда сие сделано по злобному против погребенных в сих могилах или против семейств их чувству»[7]. Часть вторая данной статьи смягчает наказание до штрафа для тех, кто совершает данное деяние по «одному лишь легкомыслию». Следовательно, надругательство над телами умерших и местами их захоронения могло совершаться как умышленно, так и неосторожно.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года защищало религиозные устои Российской империи как составную часть ее общественного и государственного строя. Господствовавшая православная религия и церковь были одной из самых надежных опор класса феодалов, важным элементом в политической системе России. Такие деяния, как разрытие могил и ограбление мертвых, не являлись религиозными преступлениями в собственном смысле этого слова, хотя и приводились в разделе втором Уложения «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». В статьях имеется в виду разрытие любых могил и ограбление мертвых тел независимо от вероисповедания погребенных.

Могилой считалось любое признаваемое религией усопшего хранилище трупа, сооруженное без нарушения врачебно-полицейских правил погребения, как-то: склеп, усыпальница и т.п.

Можно отметить, что в Уложении законодатель указал на признаки субъективной стороны преступления: «...для ограбления тел или для поругания над погребенным...», для достижения суеверных целей. В современном Уголовном кодексе РФ диспозиция нормы, предусмотренная ст. 244, не содержит прямых указаний на цель преступления.

Перечень предметов преступлений по данному Уложению был узок. В нем говорилось лишь о могилах, телах погребенных, надгробных памятниках и их наружных украшениях. Кладбищенские здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, в качестве предмета преступления не рассматривались.

Уголовное уложение 1903 года также содержало нормы, аналогичные вышеуказанным. Так, согласно ч. 1 ст. 79 Уложения 1903 года «виновный в похищении или в поругании действием умершего, преданного или не преданного земле», наказывался заключением в исправительный дом на срок не свыше трех лет. Квалифицированные составы предусматривают совершение «оскорбляющее нравственность действие» и по «суеверию, неразумию, невежеству или в состоянии опьянения». Данные деяния входили в число преступлений против веры.

В Уголовных кодексах 1922 и 1926 годов норм, охраняющих в качестве непосредственного объекта память умершего, не содержалось. Объяснение этому, на наш взгляд, нужно искать в самой советской системе. После социалистической революции в России активно пропагандировалась идея отделения государства от церкви. В результате этого многие культовые предметы и сооружения подверглись разрушению и уничтожению, как того требовала новая идеология. Необходимо было восстанавливать разрушенное хозяйство страны, для чего нужен был строительный материал, в качестве которого могли послужить разрушенные кладбища, надгробные памятники, церкви, храмы, мечети и многое другое. Поэтому, как нам представляется, предусмотреть в уголовном законодательстве Советской России состав преступления, который бы предусматривал ответственность за указанные действия, противоречило бы тому, что делали сами большевики.

Однако ст. 229 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года[8] устанавливает уголовную ответственность за надругательство над могилой и похищение находящихся в могиле или на могиле предметов. В такой редакции норма сохранилась до принятия в 1996 году нового Уголовного кодекса РФ.

Действующая уголовно-правовая норма значительно отличается от ст. 229 Кодекса 60-го года. Изменения состоят в следующем: во-первых, существенно расширен перечень уголовно-наказуемых действий по отношению к телам умерших и местам их захоронения; во-вторых, введены квалифицирующие признаки [9].

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения как преступное деяние, предусмотренное уголовным законодательством Российской Федерации, не национальная особенность. После распада Советского Союза вновь образовавшиеся на его территории государства стали реализовывать самостоятельную уголовную политику. В настоящее время во всех бывших республиках СССР приняты новые уголовные кодексы, во многом схожие с Уголовным кодексом РФ 1996 года. Однако нормы, касающиеся надругательств над местами захоронений, часто имеют присущие только данным странам особенности.

Например, в Уголовном кодексе Грузии (ст. 258) предусмотрено такое деяние, как «Неуважительное отношение к умершему» [10]. Диспозиция данной нормы схожа со ст. 244 Уголовного закона России, но дополнительно здесь названо «хищение предметов, помещенных в захоронение или находящихся на поверхности места захоронения». По этому пути пошел и законодатель Кыргызской Республики (ст. 263), включив такой признак объективной стороны надругательства, как «похищение находящихся в могиле или на могиле предметов» [11]. Уголовный закон Украины (ст. 297) также предусматривает хищение предметов не только на трупе, но и в стене погребения [12].

В российском Уголовном кодексе хищение предметов с места захоронения либо тела умершего вызывает спорные вопросы в связи с квалификацией совершенного деяния – подпадает это лишь под статью 158, или хищение входит в состав, предусмотренный ст. 244, или следует квалифицировать данное деяние по совокупности ст. 158 и 244 Уголовного кодекса РФ. В этом отношении грузинское, кыргызское и украинское уголовные законы более точны.

Законодатель Узбекистана также включает в альтернативные признаки объективной стороны схожей нормы, помимо надругательства, «изъятие находящихся на трупе, на могиле или в захоронении предметов» [13]. На наш взгляд, была облегчена работа правоохранительных органов тем, что вместо хищения указало «изъятие». Следовательно, отпадает необходимость в доказывании корыстной цели совершения данного деяния.

Основное отличие ст. 244 Уголовного кодекса России от подобной нормы Азербайджанской республики (ст. 245) состоит в том, что последняя не раскрывает объективной стороны состава, а лишь использует простую диспозицию – «надругательство над могилой или трупом» [14]. Для точного уяснения данной нормы следует определить, какие именно действия азербайджанский законодатель включает в понятие «надругательство», как можно конкретизировать содержание понятия «могила» – относится ли к данному предмету надмогильные сооружения (памятники, надгробия, различные кладбищенские постройки и т.д.). На практике это часто вызывает большие затруднения. Поэтому можно сказать, что Российский кодекс более четко и определенно подходит к предмету и содержанию объективной стороны надругательства.

Принципиальным отличием уголовного законодательства Эстонии является включение в объективную сторону состава «Разорение могил или иное надругательство над памятью захороненных» (ст. 199) таких деяний, как «погружение или совершение иных действий в целях извлечения из стоящего на грунте затонувшего судна или со дна моря и поднятия на поверхность жертв кораблекрушения или имущества, равно кража предмета, находящегося в месте последнего упокоения...» [15]. Предполагаем, что данная норма предусматривает лишь незаконные, без соответствующих разрешений действия по извлечению тел и имущества, пострадавших в результате кораблекрушения. Иначе она будет нарушать права близких родственников умершего похоронить его так, как они считают нужным.

Особенностью состава, предусмотренного ст. 313 Уголовного кодекса Литовской Республики, считается ответственность того лица, которое «разгласило ложные вымыслы об умершем, способные вызвать презрение людей или пошатнуть почтение его памяти» [16]. В республике Сан-Марино существует такое преступление, как «Богохульство и тяжкое оскорбление усопшего», судебное разбирательство по которому проводится исключительно по жалобе близких родственников [17]. В российском законодательстве отсутствует специальная норма, касающаяся разглашения заведомо ложных сведений, порочащих достоинство умершего. При совершении указанных деяний они квалифицируются по общей норме, предусматривающей ответственность за клевету.

Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательства на уважительные отношения к памяти умерших и неприкосновенность мест их захоронения, содержатся и в уголовных законодательствах стран дальнего зарубежья.

Например, в Уголовном кодексе Голландии содержится 5 статей, посягающих на схожий со ст. 244 Уголовного кодекса РФ объект. Лицо, которое актом насилия или угрозой насилия мешает проведению законной похоронной службы (ст. 145), срывает похоронную службу беспорядком или шумом (ст. 146), умышленно мешает или препятствует доступу к кладбищу или перевозке тела умершего на кладбище (ст. 148), умышленно оскверняет могилу или уничтожает, наносит ущерб любому памятнику, возведенному на кладбище (ст. 149), умышленно и незаконно откапывает или перемещает тело умершего (ст. 150) подлежит наказанию [18]. По характеру общественной опасности вышеназванные деяния более подпадают под административно-правовую ответственность, нежели уголовную. Кроме того, если преступление связано с надругательством (какими-либо оскорбительными действиями) над телом умершего, данное деяние по законодательству Голландии можно признать ненаказуемым, что также является существенным недостатком.

Ответственность за нарушения проведения похоронной службы и иных церемоний, связанных с захоронением умерших, предусмотрена также уголовными законами Сан-Марино (ст. 262), Японии (ст. 188) и Литвы (ст. 313). Причем в Литве за данные преступления лицо несет уголовную ответственность только в случае жалобы потерпевшего, его законного представителя либо прокурора.

Законодатель Швейцарии криминализировал «грубое бесчестие могилы умершего, трупа либо изъятие трупа или части трупа или пепла умершего против воли правомочного лица» (ст. 262) [19]. Ответственность

за незаконное изъятие «пепла умершего» – особенность данного закона, более нигде не встречавшейся. Думается, что в российском законодательстве данное деяние более подойдет под осквернение места захоронения, так как понятие «тело умершего» вряд ли охватывает останки в виде пепла.

Если уголовный закон Швейцарии в качестве специфического предмета преступления предусматривает «пепел умершего», то «остатки волос умершего» в качестве токового называет японский законодатель. Статья 190 предусматривает ответственность за «разрушение, выбрасывание или присвоение трупа, костей или остатков волос умершего либо вещей, положенных в гроб» [20]. Кроме того, Уголовный кодекс Японии криминализует «погребение умершего неестественной смертью без наружного осмотра трупа» (ст. 192). Представляется, что ответственность за такое деяние должны нести только специальные субъекты, в полномочия и обязанности которых входят эти действия, иначе смысл данного запрета утрачивается, так как страдают не только общественные отношения, связанные с памятью умершего, но и порядок управления.

Законодатель Дании предусмотрел, что любое лицо, которое нарушает святость кладбищ или виновно в неприличном обращении с трупами, подлежит наказанию [21]. Норму можно признать и толковать расширительно, и, наверное, правильнее было бы установить более узкий круг деяний или сделать ссылку на какое-либо общественно опасное последствие.

Возможности уголовного наказания за данные преступления (в том числе и за квалифицированный состав) практически во всех перечисленных законодательствах ограничены лишением свободы на срок в пределах от 2 до 5 лет. Кроме лишения свободы, возможно применение штрафа (Эстония, Япония, Франция, Узбекистан), ареста (Эстония, Литва, Украина, Узбекистан), ограничение свободы (Украина, Литва) и исправительные работы (Узбекистан, Азербайджан). В Швейцарии за эти преступления предусмотрена неопределенная санкция в виде лишения свободы или штрафа без указания каких-либо минимальных или максимальных пределов.

Таким образом, ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» не является новацией, данью времени или отличительной особенностью российского уголовного закона. Этим также можно объяснить включение данного деяния в число преступлений, за которые предусматривается уголовная ответственность. Кроме того, признание надругательства над телами умерших преступным вытекает и из принципов, которые заложены в религии. Несмотря на то, что в России нет государственной религии, все же большинство верующих проповедуют православие. «Учение Православной Церкви о человеке содержит глубоко почтительное отношение к человеческому телу и плоти, на котором основано почитание мощей святых и почитание останков родственников и всех христиан, а также всякого человека. Почитание включает и бережное отношение к телам умерших» [22]. «Место погребения, даже если тело там сгнило, есть место, освященное плотью христианина, в этом смысле святое» [23].

Во все времена в России тело считалось храмом души. Поэтому издревле почитались как сами кладбища, так и память усопших. Христианское почитание умерших – залог сохранения исторической памяти русского народа. Общество, которое допускает пренебрежение к останкам человека, выявляет этим свое пренебрежение к ценности и достоинству человеческой жизни вообще.

Кроме того, в социологии можно встретить такое понятие, как «социальная память». Все захоронения представляют собой памятные места, значимые в жизни каждого человека. А для любого цивилизованного общества такие места являются определенной социальной памятью. Например, в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающихся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, в п. 1, ст. 34 обозначено, что «остатки лиц, которые умерли по причинам, связанным с оккупацией, ... пользуются уважением, и места погребения всех таких лиц пользуются уважением...» [24]. Человеческое отношение к таким «святыням» есть проявление нашей культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/04.html>.
2. Российское законодательство X-XX веков / под ред. О.И. Чистякова. - М., 1994. – Т.1. - С.149.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. - Ростов-на-Дону, 1995. - С. 322-323.
4. Российское законодательство X-XX веков / под ред. О.И. Чистякова. - М., 1994. – Т.1. - С.251.
5. Там же. Т.4. - С.120.
6. Там же.. Т.6. - С.230-231.
7. Там же. Т.6. - С.231.
8. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г.) // Консультант. Законодательство.
9. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 1996. - С. 558.
10. Уголовный кодекс Грузии: принят 22 июля 1991 г. / науч. ред. З.К. Бигвава. - СПб., 2001. – С.356.
11. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / П.Ю. Константинов. - СПб., 2002. – С.262.
12. Уголовный кодекс Украины / науч. ред-ие В.Я. Тация. - СПб., 2001. – С.258.
13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан / З.Х. Гулямов. - СПб., 2001. – С.164.
14. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред-ие И.М. Рагимов. - СПб., 2001. – С.262.
15. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред-ие В.В. Запелалов. - СПб. - 2001. – С.208.

16. Уголовный кодекс Литовской Республики / науч. ред-ие В. Павилонис. - СПб. - 2003. – С.371.
17. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / науч. ред-ие С.В. Максимов. - СПб. - 2002. – С.183.
18. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин. - СПб. - 2001. – С.401.
19. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред-ие А.В. Серебренников. - СПб. - 2002. – С.243.
20. Уголовный кодекс Японии / науч. ред-ие А.И. Коробеев. - СПб. - 2002. – С.117.
21. Уголовный кодекс Дании / отв. ред. С.С. Беляев. - СПб. - 2001. – С.228.
22. О кремации Вопрос священника Андрея // [http:// www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ns_file.cgi?5+5_205](http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ns_file.cgi?5+5_205).
23. Там же.
24. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающихся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол 1) // Консультант. Международные правовые акты.

С.М. Мальков, Д.В. Токманцев *

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА, СОЗДАВШЕЕ ОПАСНОСТЬ ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ

В последнее время в литературе приобрела актуальность проблема деликтов создания опасности [1]. В связи с этим в теорию уголовного права возвращается идея о том, что целесообразно было бы предусмотреть ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта независимо от того, наступили или нет общественно опасные последствия [2]. Ведь само нарушение правил безопасности, когда оно создает возможность наступления вредных последствий, уже представляет общественную опасность [3]. На данную позицию указывал и Верховный Суд РСФСР, привлекая к уголовной ответственности работников транспорта за нарушение ими правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, которое не повлекло, но могло повлечь тяжкие последствия в виде травмирования и гибели людей [4]. Исключение ответственности в таких случаях следует признать нецелесообразным, т.к. тем самым существенно ограничивается круг уголовно наказуемых неосторожных деяний, считает В.А. Нерсесян [5].

Существует, конечно, и противоположное мнение: деяние, которое не повлекло, а только могло повлечь вредные последствия, не может наказываться в уголовно-правовом порядке, ибо при установлении уголовной ответственности речь должна идти о фактически совершенном деянии, а не о каких-то возможных (вероятных) последствиях этого деяния [6].

С этим суждением вполне согласуется позиция А.И. Коробеева, который считает, что деликты неосторожного создания опасности характеризуются сравнительно невысокой степенью общественной опасности, в связи с чем они должны влечь не уголовную, а административную либо гражданско-правовую ответственность [7]. Аналогичного мнения придерживается Т.А. Батрова [8]. И.М. Тяжкова считает, что нормы о неосторожных преступлениях, сконструированные без указания в них определенных последствий, приведут к повышению процента латентной преступности [9].

Действительно, как отмечает М.С. Гринберг, «ответственность за неосторожность, не вызвавшую последствий, - явление экстраординарное в уголовном праве, ибо в общем ее виде она несовместима с основным принципом уголовного права - принципом экономии уголовной репрессии» [10]. В то же время, по его мнению, с которым мы согласны, такая ответственность вполне оправданна в сфере функционирования транспорта и других источников повышенной опасности по ряду оснований.

Во-первых, в случае нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта создается высокая вероятность наступления общественно опасных последствий. Это обусловлено тем, что указанные правила формируются на основе жизненного опыта, накопленных наблюдений действий, которые при многократном повторении причиняют вредный результат [11].

Во-вторых, установление ответственности только за факт реального причинения смерти или вреда здоровью человека не способно в полном объеме обеспечить защиту не только основного, но и дополнительно объектов преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ от грозящей опасности [12].

В-третьих, в теории уголовного права преступным последствием признаются не только реальный вред, но и возможность его наступления, т.к. она основана на противоправном вредном изменении охраняемых уголовным законодательством общественных отношений [13]. Поэтому факт совершения противоправного деяния, хотя и не повлекшего причинения конкретного вреда жизни или здоровью, но создающего реальную

* © С.М. Мальков, Д.В. Токманцев, Сибирский юридический институт МВД России, 2006.